

Для нас важно, однако, следующее: употребление церковнославянского языка явно подчинялось в средние века этикету, церковные сюжеты требовали церковного языка.

Этот средневековой этикет в употреблении соответствующего языка или стиля языка наблюдался не только на Руси. Он еще значительнее в средневековых литературах многих других стран. Вот почему нам, вслед за Л. П. Якубинским, представляется совершенно неправильным следующее положение А. А. Шахматова, занимающее центральное место в его концепции происхождения и развития русского литературного языка, что церковнославянский язык «с первых же лет своего существования на русской почве стал не удержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нем русские люди не могли разграничить в своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка».⁶ Нет нужды приводить примеры сознательного стремления к разграничению церковнославянского и русского языка, церковнославянских и русских форм. В основе этих разграничений лежат требования литературной обрядности, подчиняющие себе соображения стилистического порядка.

*

Итак, требования литературного этикета порождают стремление к разграничению употребления церковнославянского языка и русского во всех его разновидностях; эти же требования вызывают появление различных формул — воинских, житийных и пр.

Однако литературный этикет не может быть ограничен явлениями словесного выражения. В самом деле, не все из того, что было отмечено А. С. Орловым в качестве словесных формул, является действительно явлением только словесным. Так, например, среди различных «воинских формул» А. С. Орлов упоминает «помощь небесной силы» русскому войску, эта помощь может осуществляться по-разному: враги то «гонимы гневом божим», то «гневом божим и святой богородицы»; иногда бог влагает страх в сердца врагов; иногда враги бывают гонимы «невидимой силою», а иногда ангелами и т. д.⁷ Это трафарет ситуации, а не словесного ее выражения. Словесное выражение этого трафарета может быть различным, точно так же как и различных других трафаретов ситуации в описании собирания, выступления войска и нападения, в описании жизни святого — его рождения от благочестивых родителей, удаления в пустыню, подвигов, основания монастыря, благочестивой смерти и посмертных чудес.

Дело, следовательно, не только в том, что определенные выражения и определенный стиль изложения подбираются к соответствующим ситуациям, но и в том, что самые эти ситуации создаются писателями именно такими, какие необходимы по этикетным требованиям: князь молится перед выступлением в поход, его дружина обычно малочисленна, тогда как войско противника громадно и враг выступает «в силе тяжце», «пыхая духом ратным» и т. д.

Литературные каноны ситуаций могут быть продемонстрированы хотя бы на «Чтении о жигии и о погублении Бориса и Глеба». Как и большинство литературных произведений средневековья, «Чтение» от на-

⁶ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 61. (Разрядка моя, — Д. Л.).

⁷ А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.), стр. 37—49.